

Министерство науки и высшего образования РФ
Удмуртский институт истории, языка и литературы УдмФИЦ УрО РАН
Удмуртский государственный университет
Кафедра истории России УдГУ
Центр изучения истории средневековой Руси УдГУ

ЕВРОПА

в Средние века и Новое время:

**Общество.
Власть.
Культура**

Материалы Всероссийской, с международным участием,
научной конференции молодых ученых.
Ижевск, 28–29 ноября 2017 г.

ИЖЕВСК
2018

УДК 94(470)"04/19"(063)
ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431
Е 241

Рецензенты:

Л.В. Войтович – д.и.н., проф. (Львов)

А.В. Петров – д.и.н., проф. (С.-Петербург)

Редколлегия: И.А. Алхимов, В.В. Долгов, А.Е. Загребин, В.В. Иванов,
И.А. Калугин, Р.С. Киселев, В.В. Пузанов, Р.А. Соловьева,
Д.Р. Шакурова, А.С. Шулятьева

Отв. ред. и сост. Д.В. Пузанов

Отв. секретарь Н.Ю. Логачева

Е 241 Европа в Средние века и Новое время: Общество. Власть. Культура: материалы Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых. Ижевск, 28–29 ноября 2017 г. – Ижевск : Институт компьютерных исследований, 2018. – 268 с.

ISBN 978-5-4344-0542-3

В сборнике представлены материалы Пятой Всероссийской, с международным участием, научной конференции молодых ученых, которая проходила 28-29 ноября 2017 г. в г. Ижевске.

Издание подготовлено кафедрой истории России и Центром изучения истории средневековой Руси УдГУ, Отделом исторических исследований УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН. Предназначено для научных работников, преподавателей, аспирантов, магистрантов, студентов, всех интересующихся историей Средних веков и Нового времени.

ISBN 978-5-4344-0542-3

УДК 94(470)"04/19"(063)

ББК 63.3(4)я431+63.3(2)4я431

© Авторский коллектив, 2018

© ФГБОУ ВО «УдГУ», 2018

© УИИЯЛ УдмФИЦ УрО РАН, 2018

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Вахрушева К.К. (г. Ижевск). Княгиня Ольга в отечественной историографии второй половины XVIII – первой половины XIX века</i>	6
<i>Саламатова (Зарипова) А.Н. (г. Ижевск). Проблема русско-половецкого взаимовлияния в постсоветской историографии</i>	12
<i>Федосов А.В. (г. Брянск). «Королевство Русь»: новый взгляд на древнерусскую титулатуру (на основе монографии К. Раффеншпергера «The Kindom of Rus'»)</i>	20
<i>Баллеева М.Е. (г. Ижевск). Елена Глинская в новейшей отечественной историографии</i>	28
<i>Валиуллина Р.Р. (г. Ижевск). Генезис земских соборов в отечественной дореволюционной историографии</i>	35
<i>Костин Н.О. (г. Екатеринбург). Переписка Геннадия Схолария и Георгия Бранковича</i>	43
<i>Алнадаф С.Н. (г. Дамаск, г. Казань). Философия истории Аль-Масуди</i>	48
<i>Кутявин Н.А. (г. Ижевск). Институт жертвоприношения и его упадок у восточных славян в свете теории религии Рене Жирара</i>	53
<i>Пузанов Д.В. (г. Ижевск). Трудно быть любовницей бога: реконструкция славянской эроэстатичной практики</i>	62
<i>Логачева Н.Ю. (г. Ижевск). Брачно-семейные отношения в Древней Руси</i>	68
<i>Киселев Р.С. (г. Ижевск). К вопросу об ограблении тел умерших русских князей в домонгольскую эпоху</i>	77
<i>Соловьева Р.А. (г. Ижевск). Представления о детстве, зрелости, старости в памятниках древнерусского права</i>	84
<i>Ясинская А.Д. (г. Москва). К вопросу о значении даров как дипломатического инструмента в отношениях Древней Руси и кочевых этнических общностей</i>	89
<i>Игнатъева Е.Е. (г. Ростов-на-Дону). Синод в Сутри и Риме 1046 г.: вмешательство Генриха III в дела церкви</i>	94
<i>Колеватов Н.М. (г. Ижевск). Русские глазами Генриха Латвийского</i>	99
<i>Белоруссова Т.Е. (г. Екатеринбург). Династические союзы южнофранцузских сеньоров: семья Гийомов де Монпелье (конец X – начало XIII в.)</i>	103

<i>Галиева Л.И. (г. Ижевск). Образ Ричарда III в произведениях Т. Мора и У. Шекспира</i>	108
<i>Выслоужилова Д.Л. (г. Брно). Instrumenta Imperialia: Золотая Сицилийская Булла и вопрос пресечения династии Пржемысловичей</i>	114
<i>Курсакова Н.В. (г. Ижевск). Религиозная жизнь Лондона в контексте реформационной политики Тюдоров</i>	120
<i>Бурина О.А. (г. Москва). Сколько стоило образование в XVI веке? Медицинский факультет университета Монпелье по воспоминаниям Феликса Платтера (1536–1614)</i>	125
<i>Абрамова Е.Ю. (г. Тюмень). Алессандро Валиньяно «О посольстве японских представителей к Римской курии»</i>	131
<i>Михеев Д.В. (г. Псков). Образ коренного населения Нового Света в дневниках капеллана экспедиции Дрейка Фрэнсиса Флетчера</i>	136
<i>Калугин И.А. (г. Ижевск). Обские угры в записках иностранных путешественников XVI–XVII веков</i>	141
<i>Домрачев Н.Е. (г. Москва). Образ идеального дипломата в представлении русского резидента В.М. Тяпкина</i>	146
<i>Колюшкина О.А. (г. Арзамас). Стольник П.А. Толстой о жителях о. Мальты</i>	153
<i>Новолодский А.С. (г. Ростов-на-Дону). «Взятие» «Сибирского царства» и Ермак в русском фольклоре</i>	161
<i>Селивоненко А.Н. (г. Шостка). Законодательные и традиционно-коллективные институты в Гетманщине во второй половине XVII в.</i>	167
<i>Попова Е.М. (г. Великий Новгород). Новгород в эпоху смуты: судопроизводство в период шведского наместничества</i>	172
<i>Болдырев Р.В. (г. Великий Новгород). Проблемы уплаты государственных повинностей новгородскими крестьянами в 1611–1617 гг. в отражении челобитных грамот</i>	178
<i>Манин Д.О. (г. Екатеринбург). Вопросы правового регулирования русско-шведской торговли в Кардисском мире 1661 г.</i>	187
<i>Рябов С.М. (г. Екатеринбург). Русско-французские отношения во второй половине XVI века: культурно-цивилизационный диалог</i>	193
<i>Циватый В.Г. (г. Киев). Внешнеполитическая и дипломатическая модель Франции в общеевропейском контексте раннего Нового времени (XVI–XVIII вв.): трансформационное и институциональное измерения</i>	200

<i>Лазарев С.С. (г. Уфа). Генезис взаимоотношений церковной и светской власти в средневековой Англии: от разделения к зависимости</i>	207
<i>Шулятьева А.С. (г. Ижевск). Правовой статус крестьянина по соборному уложению 1649 г.</i>	213
<i>Туранов А.А. (г. Ижевск). О привлечении духовенства к комплектованию армии в конце XVIII в. (по материалам Вятской губернии)</i>	221
<i>Шамиурин А.А. (г. Ижевск). К вопросу о понятии «ветка фаворитства»</i>	229
<i>Ившин В.С. (г. Екатеринбург). Компаративный анализ двух рассуждений французских консерваторов о Великой Французской революции (Ж. де Местр и Ф.-Р. де Шатобриан)</i>	234
<i>Масалева А.Ю. (г. Екатеринбург). Английское общество в 30–40-х гг. XIX в. в творчестве Элизабет Гаскелл</i>	240
<i>Градобоев И.А. (г. Екатеринбург). Македонские болгары накануне и во время Балканских войн 1912–1913 гг.</i>	245
<i>Дулесов Е.П. (г. Ижевск). Историческая метафора в дискурсе русских националистов начала XX в.</i>	252
<i>Даркина А.В. (г. Воронеж). Национализм и социализм versus мистицизм и оккультизм? (К вопросу о ведущих доминантах в системе Николая Рериха)</i>	259

Е.П. Дулесов
г. Ижевск (Россия)
Удмуртский гос. ун-т

ИСТОРИЧЕСКАЯ МЕТАФОРА В ДИСКУРСЕ РУССКИХ НАЦИОНАЛИСТОВ НАЧАЛА XX в.

В статье анализируется когнитивная метафора «Отношения между русским народом и инородцами – это война», представленная в текстах русских националистов начала XX в. Правые политики и публицисты сопоставляют межнациональные отношения в Российской империи с событиями как недавнего, так и далекого прошлого. Главной функцией военно-исторической метафоры становится запугивание адресата и создание образа опасного, агрессивного врага.

Ключевые слова: политическая лингвистика, когнитивная метафора, историческая метафора, русский национализм, национальный вопрос.

В начале XX в. в России обострился национальный вопрос. Многонациональная и поликонфессиональная империя «затрещала по швам»: народы, проживавшие на окраинах, все чаще стали выступать против русификаторской, по их мнению, политики государства, бороться за сохранение своих традиций, культуры и языка, требовать автономии и даже создания самостоятельных национальных государств. Еврейское население добивалось отмены черты оседлости и других дискриминационных мер. В результате активизация национальных движений среди этнических меньшинств заставила сплотиться людей, считавших, что Россия должна быть едина и неделима, а приоритет во всех делах государства может принадлежать только русскому народу.

Националистически ориентированные политики и публицисты в своих выступлениях и текстах обосновывали господствующее положение русского народа и дискредитировали сепаратистские движения «инородцев» (так они именовали нерусское население Российской империи). По образному выражению Дж. Чартериса-Блэка, «язык – это кровь политики» («language is the lifeblood of politics»¹), иными словами, политики оказывают воздействие

¹ *Chartaris-Black J. Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Chippenham; Eastbourne, 2011. P. 4.*

на свою аудиторию прежде всего с помощью языка. Лингвисты отмечают, что одним из наиболее эффективных языковых средств воздействия и манипуляции является метафора.

В когнитивной науке, оформившейся в последней четверти XX в., метафора рассматривается не просто как один из «цветов красноречия» или риторический прием, а как «когнитивный процесс, который выражает и формирует новые понятия и без которого невозможно получение нового знания»². В ходе этого процесса одна область действительности (**сфера-мишень**) осмысливается через другую область (**сферу-источник**). Обычно, чтобы осмыслить сложное, абстрактное явление (например, политику), человек использует понятия, которые относятся к более знакомой ему, более простой и конкретной области. При этом метафора помогает не только осмыслить новое знание, но и посмотреть на старое знание в другом ракурсе. Именно поэтому она играет ключевую роль в языке политики: предлагая свой взгляд на ту или иную проблему, политик может облечь его в метафорическую форму и, опираясь на аналогическую аргументацию, более успешно внедрить в сознание адресата.

В дискурсе русских националистов начала XX в. встречаются такие концептуальные метафоры, как «Иностранцы/сепаратисты – это болезнь / животные / стихийное бедствие», «Российская империя – это организм / здание / семья» и др. По нашим наблюдениям, превалирует милитарная метафора, которая представляет отношения между русским народом и этническими меньшинствами как военные действия. Согласно этой метафоре, иностранцы/сепаратисты составляют вражескую армию, напавшую на Россию. Как замечает А.П. Чудинов, «милитарная метафора навязывает обществу конфронтационные стереотипы решения проблем, ограничивает поиск альтернатив в социальном развитии»³.

Во многих случаях русские националисты накладывают милитарную метафору на **прецедентную ситуацию** – «хорошо известную историческую ситуацию, событие, яркие признаки которого запечатлены в народном сознании с той или иной эмоциональной оценкой»⁴. Иными словами, отношения между национальностями в Российской империи сопоставляются не просто с войной, а с войной конкретной. Имплицитные или эксплицитные сравнения современной ситуации с событиями прошлого Р. Пэрис называет **историческими метафорами** (типа «Слободан Милошевич – это современ-

² Краткий словарь когнитивных терминов. М., 1997. С. 55.

³ Чудинов А.П. Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001. С. 105.

⁴ Чудинов А.П. Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003. С. 138.

менный Гитлер»⁵. Й. Цинкен также рассматривает подобные примеры метафорических сопоставлений новых событий с определенными культурно значимыми явлениями, именуя их интертекстуальными метафорами (типа «Коммунисты в Польше – это тевтонские рыцари»⁶).

Для метафорического представления национального вопроса в Российской империи русские националисты начала XX в. обращаются как к недавним событиям, так и к событиям далекого прошлого. Из современной истории в качестве сфер-источников метафоры они выбирают Русско-японскую войну и аннексию Боснии и Герцеговины Австро-Венгрией.

С точки зрения правых политиков и публицистов, Русско-японская война 1904–1905 гг. явилась позорной страницей русской истории: маленькая Япония разгромила великую Россию. Аудитория еще не успела прийти в себя от потрясения, и русские националисты спешат использовать эту эмоционально заряженную сферу-источник в своих целях. Сравнивая Русско-японскую войну и межнациональные отношения внутри империи, русские консерваторы пытаются пробудить в своих адресатах чувство национального достоинства, которое враг оскорбил и унизил, разжечь негодование и обиду и одновременно предостеречь от опасности. Русский народ не вправе недооценивать своих врагов, он должен находиться в состоянии боевой готовности, чтобы не допустить еще одной катастрофы. В «Открытом письме правительству» В.А. Грингмут проводит следующие параллели: евреи (внутренние враги) – японцы (внешние враги); возможное расширение прав еврейского населения – капитуляция, позорный для России Портмутский мирный договор; распространение еврейского влияния – присоединение к Японии части Сахалина. При этом публицист подчеркивает, что последствия от расширения прав еврейского населения были бы гораздо тяжелее, чем от Русско-японской войны. Для этого он использует конструкции со сравнительной степенью прилагательного (а) и антитезы (б):

«...В таком случае отсрочка капитуляции перед еврейской крамолой “до Думы” была бы пустой формальностью, а эта капитуляция была бы **позорнее, чем капитуляция Портсмутская (а): там мы уступили японцам, а здесь евреям (б). Японцам мы отдали, к великому стыду нашему, пол-Сахалина, а евреям мы отдали бы всю Россию (б).** <...> ...Такая торжествующая победа еврейской крамолы легла бы на сознание Русского народа

⁵ *Paris R.* Kosovo and the Metaphor War. URL: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Metaphor.pdf>.

⁶ *Zinken J.* Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0957926503014004005>.

более тяжелым камнем, чем Цусимское поражение и Портсмутский мир (а)»⁷ (выделено мной. – Е.Д.).

В 1908 г. Австро-Венгрия аннексировала Боснию и Герцеговину, что подняло настоящую бурю в русской прессе. Общественность была возмущена не только агрессивией Австро-Венгрии по отношению к славянским провинциям, но и бездействием и попустительством МИДа Российской Империи⁸. Эти события дали повод русским националистам взглянуть на внутреннее положение в стране сквозь призму боснийского кризиса. Топоним *Босния и Герцеговина* (или просто *Босния*) становится в дискурсе правых **прецедентным именем** – широко известным именем собственным, которое используется в качестве своего рода культурного знака, символа определенных качеств, событий, судеб⁹. В политическом дискурсе часто задействуется фрейм «Злодей – жертва – герой». Дж. Лакофф называет эту когнитивную структуру сказкой о справедливой войне¹⁰. Прецедентное имя *Босния* активизирует аномальный сценарий: с одной стороны, есть злодей (Австро-Венгрия) и жертва (Босния и Герцеговина), с другой стороны, Россия, призванная стать героем и защитить невинную жертву, остается бездействующим наблюдателем. Русские националисты переносят данный метафорический сценарий на отношения между национальностями внутри Российской империи: на место злодея ставятся инородцы, на место жертвы – простые русские люди, а российское правительство, вместо того чтобы защищать интересы русских и стать героем, равнодушно наблюдает за престоуплением.

Д.В. Скрынченко выносит прецедентное имя в название статьи – «У нас своя “Босния”». Сначала он присоединяется ко всеобщему негодованию по поводу аннексии Боснии и Герцеговины Австрией, но далее указывает, что русская общественность не обращает внимания на другую «Боснию» в пределах самой Российской империи – «Боснию нашего Западного края». По его мнению, как Австрия аннексировала Боснию, так поляки аннексируют Белоруссию. С помощью метафоры «Белоруссия – это наша Босния» публицист характеризует усиление польско-католического влияния на территории Западной Руси (*окатоличение и ополячение*), которое выразилось прежде всего в участившихся переходах белорусских крестьян из пра-

⁷ Грингмут В.А. Объединяйтесь, люди русские! М., 2008. С. 274, 276.

⁸ Кострикова Е.Г. Боснийский кризис 1908 года и общественное мнение России // Российская история. 2009. № 2. С. 42–54.

⁹ Нахимова Е.А. Прецедентные имена в массовой коммуникации. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm> (дата обращения: 01.09.2017).

¹⁰ Lakoff G. Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: <http://escholarship.org/uc/item/9sm131vj>.

вославия в католицизм. В итоге публицист призывает политиков отказаться от роли стороннего наблюдателя, стать «героем» и дать отпор польской аннексии:

«А неужели же вы не видите, что у нас есть своя “Босния” – наш западно-русский край, все более и более ополячиваемый и тем самым отрываемый от России?»

Хочется верить, что Вы увидите, а, увидев, Вы не можете не сказать полонизаторам: довольно! Идите отсюда в Вислу!»¹¹.

Концептуализируя отношения между национальностями в Российской империи, гораздо чаще русские националисты обращаются к событиям более далекого прошлого. Наиболее частотными сферами-источниками исторической метафоры становятся борьба Руси с кочевниками, Монгольское нашествие, польская интервенция в период Смуты, Северная война, Отечественная война 1812 г.

В статье «Этого никогда не будет» П.А. Крушеван сопоставляет обсуждавшееся в то время упразднение черты еврейской оседлости с нашествием Батые. В русском сознании это историческое событие ассоциируется с жестокостями и зверствами, варварством, великим бедствием, имевшим катастрофические последствия для развития русского государства. П.А. Крушеван направляет эти ассоциации на понятийную область «Еврейский вопрос», тем самым запугивая адресата и призывая правительство не упразднять черту оседлости:

«За что на всех русских людей вне черты оседлости, людей, которые из поколения в поколение, ценой долгой борьбы и приспособления создали себе известный *modus vivendi*, свалилась бы эта ничем не заслуженная беда? И даже не беда, а бедствие, **хуже татарского нашествия!**»¹² (выделено мной. – Е.Д.).

Эту же историческую метафору использует М.О. Меньшиков в статье «День национальный», подчеркивая, что мирное «еврейское нашествие» будет гораздо опаснее военного монгольского:

«Было некогда нашествие татар, которых всего-то шло около 300 тысяч. Теперь идет нашествие неизмеримо более огромного и более опасного народа, паразитного по природе, никогда не сливающегося и вечно хищнического»¹³ (выделено мной. – Е.Д.).

Такой же прием, что и в статье «У нас своя “Босния”» (переход от исторического события к осмыслению современной внутрироссийской ситуации),

¹¹ *Скрынченко Д.В.* Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Воронеж, 2009.

¹² *Крушеван П.А.* Знамя России. М., 2015. С. 657.

¹³ *Меньшиков М.О.* Русское пробуждение. М., 2007. С. 213.

Д.В. Скрынченко использует в тексте «Двадцать язык», который был написан в Рождество Христово. Именно в этот день указом Александра I было установлено празднество «в воспоминание избавления Церкви и Державы Российския от нашествия галлов и с ними двадцати язык». Устойчивое сочетание *двадцать язык* (т.е. 20 народов) как обозначение пестрой по национальному составу армии Наполеона использовано публицистом в качестве заголовка. События Отечественной войны 1812 г. Д.В. Скрынченко проецирует на межнациональные отношения внутри Российской империи в 1909 г.:

«Действительность русская в настоящее время очень прискорбна: теперь **не двадцать языков, а гораздо больше** ринулись на русскую государственность с целью сокрушить последнюю, даже не рассуждая о том, что сами они могут погибнуть под ее обломками» (выделено мной. – *Е.Д.*).

Данная историческая метафора делит народы на две группы: с одной стороны, русские, с другой – их многочисленные враги. В 1812 г. это были представители покоренных Наполеоном европейских народов, в начале XX в. – это российские инородцы («финляндец, поляк и еврей»). Осажденные со всех сторон врагами, русские, по мысли Д.В. Скрынченко, должны быть постоянно готовы к борьбе. Но как в Отечественной войне 1812 г. русский народ вышел победителем, так будет и теперь:

«Да, пусть будет на нашей земле мир, но пусть же царит в ней непобедимая сила национальной бодрости. Только при таком условии воскреснет Русь и быстро помчится в светлое царство своей дивной самобытной культуры. Не страшны ей будут **не только двадцать, но и гораздо больше враждебных “язык”**»¹⁴ (выделено мной. – *Е.Д.*).

Итак, военно-историческая метафора занимает важное место в дискурсе русских националистов начала XX в. С ее помощью правые политики и публицисты представляют внутренних врагов России (инородцев/сепаратистов) как врагов внешних, как вражескую армию. Такой прием призван, с одной стороны, представить этнические меньшинства как источник смертельной опасности и тем самым запугать адресата, с другой – мобилизовать его на политическую борьбу.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Грингмут В.А.* Объединяйтесь, люди русские! М., 2008.
2. *Крушеван П.А.* Знамя России. М., 2015.
3. *Меньшиков М.О.* Русское пробуждение. М., 2007.

¹⁴ *Скрынченко Д.В.* Указ. соч.

4. *Скрынченко Д.В.* Минувшее и настоящее. Избранная публицистика. Воронеж, 2009.
5. *Кострикова Е.Г.* Боснийский кризис 1908 года и общественное мнение России // *Российская история*. 2009. № 2.
6. *Краткий словарь когнитивных терминов*. М., 1997.
7. *Нахимова Е.А.* Прецедентные имена в массовой коммуникации. URL: <http://www.philology.ru/linguistics2/nakhimova-07a.htm>.
8. *Чудинов А.П.* Метафорическая мозаика в современной политической коммуникации. Екатеринбург, 2003.
9. *Чудинов А.П.* Россия в метафорическом зеркале: Когнитивное исследование политической метафоры (1991–2000). Екатеринбург, 2001.
10. *Chartaris-Black J.* Politicians and Rhetoric. The Persuasive Power of Metaphor. Chippenham; Eastbourne, 2011.
11. *Lakoff G.* Metaphor and War. The Metaphor System Used to Justify War in the Gulf. URL: <http://escholarship.org/uc/item/9sm131vj>.
12. *Paris R.* Kosovo and the Metaphor War. URL: <http://aix1.uottawa.ca/~rparis/Metaphor.pdf>.
13. *Zinken J.* Ideological Imagination: Intertextual and Correlational Metaphors in Political Discourse. URL: <http://journals.sagepub.com/doi/abs/10.1177/0957926503014004005>.